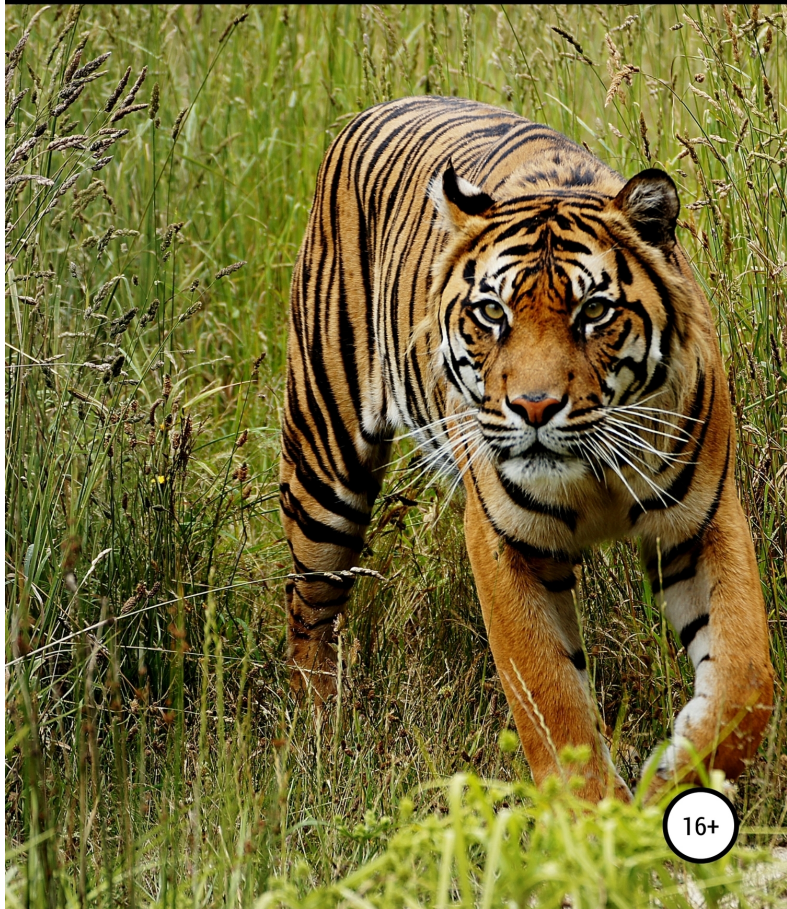

Владимир Мищенко

Летнее путешествие по тайге

16+

Владимир Мищенко

Летнее путешествие по тайге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48639477

SelfPub; 2019

Аннотация

Иногда, чтобы начались приключения, необходимо столкнуться с НЛО. А дальше – рабство и пытки в секретной лаборатории, побег, выживание в тайге, тайные Ордена, непроходимые болота. И охота. Охота за ними, как невольными свидетелями работ по изготовлению зомби-рабов.

В тот год потянуло меня на романтику. Решил вспомнить молодость и съездить на Дальний Восток, повидаться с друзьями-однополчанами. А тут еще и путевочка со скидкой подвернулась в санаторий, что под Владивостоком. Купил билет на поезд номер один Москва-Владивосток. Заеду, думаю, сначала в Шмаковку, благо по дороге, проживу у друга – бывшего подчиненного, а потом в Серышево под Белогорском, к знакомым летчикам-вертолетчикам, с которыми не раз бороздил пятый океан. Выехал заранее, чтобы задержаться в каждом месте хоть на сутки, молодость повспоминать, водочки покушать или массандры, как летчики называют спирт, недозаливаемый ими в корыстных целях в самолет или вертолет. Но время берет свое: кто-то рождается, кто-то умирает. Так и я в Шмаковке посмотрел только на прошлогодний могильный холмик и деревянный крест, ожидающий, когда же его сменят на типовой военкоматовский казенный памятник. Выпили, помянули и в путь. До Серышева не доехал, так как прямо в центре Белогорска встретил своих друзей – их перевели на аэродром Белогорска. Поели в летной столовой по талонам, закупили все, что необходимо для улучшения памяти, и – домой, в общагу. Хоть и подсокращали летчиков нещадно в угоду заокеанским хозяевам, а квартир все равно не хватает. И выезжают, поэтому на лето жены офицерские с детьми, чтобы не держать детишек все каникулы в этих архитектурных памятниках тридцатым го-

дам. Яичница с салом, побольше овощей и зелени – настоящая мужская закуска. За разговором выяснилось, что завтра в Хабаровск должен лететь борт, так летчики называют свой вертолет. Старенький, отслуживший полтора срока вертолет продали какой-то школе РОСТО. Меня внесли в списки, как представителя покупателя. Взлетели рано. Настроение наипоршивейшее: спать охота, гул и вибрация, а тут еще и голова после вчерашнего трещит. А почему болит – не ясно: выпили-то всего двенадцать бутылок водки на восемь человек. Правда, вдогонку за ней послали трехлитровую банку пива. Наверное, с этого пива и болит. Не надо было его пить. Но ведь кто-то ляпнул, что водка без пива – напрасно потраченные деньги. Теперь терпи. Хорошо хоть у летчиков в заначке лежала солдатская фляжка со спиртом. Налили полстакана и полстакана воды запить. Выпил. Запил. Но, когда запил, понял, что запивал водкой. Когда смог восстановить дыхание – занюхал рукавом и съел целый огурец. Полегчало. Захотелось поспать. Но это не проблема. На Ми-8 мне приходилось много летать, поэтому я чувствовал себя, как дома. Лавочки узкие, но и я не толстяк. Скомкал вместо подушки какой-то промасленный комбинезон и безмятежно заснул. Проснулся от того, что борт мотало из стороны в сторону, как автомобиль на колхозной дороге. Что все померем – ясно, но хочется попозже и на кровати, а не в объятom пламенем вертолете. Прошел в кабину к летчикам.

– Петрович, ты, что спать не даешь? Что случилось?

– Да черт его знает. Гроза свалилась из ниоткуда. Связь хрипит, приборы, как сумасшедшие. Синоптики, олухи, опять не могли прогноз дать.

– Южный, южный, я борт 36, прием.— Услышал я сбоку голос правого летчика.

– Во. Слышал? Минут десять вызывает и все без толку.

– Алле, южный, южный, я борт 36. Вы слышите меня? Попали в грозовой фронт. Приборы зашкаливают. Как никакой грозы?! Ты что, придурок! Нас здесь трое и что – у всех галлюцинация? Ты жене своей говори: не верь глазам своим, верь мне. А у нас нулевая видимость. Сбились с курса, а под нами по расчетам уже сопки поросшие лесом. Высотомер не работает. Как ты не видишь нас на экране?! Но ты же слышишь нас! Как я тебе скажу свои координаты, если все приборы сбесились. Я не знаю, где мы. Не знаю. Пеленгуй, ищи нас. У тебя техника, а у нас сейчас только груда металла. Вот идиот. – теперь Максим, правый летчик нашего вертолета, обратился к нам.— Говорит: пойду к синоптикам, так как по его данным здесь не может быть никакой грозы.

– Ощущение, что небеса разверзлись.

– Да, попадал я разок на Ми-6 в грозу, но там цветочки были по сравнению с этим.

– Глядите! – вдруг крикнул Максим, показывая прямо. Прямо по курсу что-то матово блестело.

– Гора покрытая лесом.— Пронеслось в моем мозгу.

Петрович направил вертолет резко вверх. Но тут перед на-

шими глазами возникло нечто. Огромное, гигантски огромное нечто. И это нечто опускалось на нас. Я почувствовал, как пол вертолета уходит вниз, и мы, подобно пикирующему бомбардировщику, устремились вниз, но Опять это злое НО. Наш вертолет ударился во что-то прозрачно-резиновое, если вы, конечно, сможете себе такое представить. Я вам помогу: представьте себе летящего большого шмеля, налетевшего на надутый воздушный шарик. Он проминает, но не прорывает его, ломает при этом свои крылышки и падает вниз. Вот точно также и мы вдавились куда-то и, обломав свои лопасти, начали резко проваливаться вниз. Что ждало нас внизу, мы все прекрасно знали. Хотелось только одного. Нет – двух: первое – это, чтобы быстрее все закончилось, и, второе, – чтобы быстрее умереть от болевого шока при возгорании топливных баков. Но... Опять это равновеликое НО. Но под нами, совсем рядышком оказалась гора, покрытая густым лесом. Мощные кроны приняли на себя первый удар, смягчив его. Потом еще удар. Причем сильнее всех пострадал я, так как летчики сидели в мягких креслах. Потом треск и плавное, но постепенно все усиливающееся скольжение вниз. Более тонкие деревья ломались и с неохотой пропускали нас. Вековые деревья отшвыривали нас подобно мячику от пинг-понга. Наконец-то все стихло. В смысле не ливень и ураган за бортом, а только скольжение вниз.

– Быстрее вон, пока не рвануло.– Прокричал Максим, на четвереньках вылезая со своего кресла.

– Мужики, я не могу. Побило сильно.– Пожаловался я.

Они подхватили меня подмышки и потащили вон. Открыли дверцу и шагнули наружу. Проще было прыгнуть в бассейн с холодной водой. Вода, которая окатила нас, была и ледяная, и била струями, как у пожарного брандспойта. Отбежав шагов на пятьдесят, мы упали, запутавшись в каких-то лианах. Взрыв не заставил себя долго ждать. Куски обшивки со свистом пролетели над нашими головами. Вытекающее горящее топливо вначале потекло в нашу сторону, но вскоре, подчиняясь рельефу, приняло влево и вообще пропало, скатившись в какую-то земную щель. Над нами медленно пролетела громада чужеземного космического корабля. Еще минут пять и природа успокоилась. Появилось солнце, стало заметно теплее.

– Угораздило же нас оказаться в месте выхода корабля из-под пространства.

– Нет. Из-под пространства они должны выходить намного раньше. Представь, если чуть ошибешься. Второй тунгусский метеорит обеспечен.

– А, может, так и было. Кто сейчас скажет.

– Не-е. Навряд. Тогда видели космическое тело и хвост за ним, как у комет. Здесь совсем другое дело.

– Только нам от этого не легче.– Вставил свое слово я.

– То же верно. Пошли рацию посмотрим.

Мы подошли к обугленным останкам. Оптимизма они почему-то не придали. Даже ракетницы были оплавлены и по-

корезены. Хотели найти “черные” ящики, но их нигде не было.

– Алексей, – обратился ко мне Петрович, – посмотри в кустах. Может его туда взрывом выбросило. Надеюсь, ты помнишь, что черный ящик у нас оранжевого цвета?

– Разумеется. Не первый день замужем. Вы смотрите, что полезного здесь осталось, а я вокруг посмотрю. Я так понимаю: где мы – никто не знает, коль нас на радаре не было.

– Выходит так. Но искать будут однозначно.

– Да я в этом нисколько не сомневаюсь. Площадь только больно большая. Тайга, что амазонские джунгли или бразильские сельвы.

– А вот этого не надо. Нас найдут. Понял?

– Понял. Просто я к тому, что помочь им надо в этом.

– А кто против. Поскребем по сусекам, подумаем. Времени у нас теперь достаточно.

– Хорошо хоть лето.

– Верно. Хоть в этом подфартило.

– Слушайте, а оружие у вас есть?

– Ты что, мы же в Хабаровск летели, а не в Кандагар.

– Эх, а вот у американских летчиков всегда пистолеты оказываются. Во всех фильмах.

– Вот и летел бы с американскими летчиками.

– Не-а. Мне наши вертолеты больше нравятся: на ихних трясет сильнее. А Ми-8, вообще, как на такси.

Максим с Андрей Петровичем стали копаться в своем

родном, на котором летали уже больше пяти лет, старичке-вертушке, а я пошел в кусты. Заметил одно раскидистое дерево и, как от нуля, начал прочесывать местность вокруг пожарища. На одном дереве, сваленном благодаря прямому вмешательству нашего вертолета, я нашел лиану лимонника с еще незрелыми ягодами. Не вкусно, но полезно. Еще дальше – несколько лоз дикого дальневосточного винограда. Кислятина, хоть глаз вырви, но на безрыбье и рак – рыба. А самое главное: на небольшой полянке росли молоденькие побеги папоротника. И были они как раз на стадии мягкого череночка с нежной скрученной завитушкой сверху. Да это же деликатес. Ящик я не нашел, но результатами поиска остался доволен.

– Удачно шлепнулись: лимонник, виноград, папоротник. Не спелые, но хоть это есть, чтобы съесть. Ящика нет. А у вас?

– У нас тоже нет. Ящика нет, еды нет, спичек нет. Зажигалка и та рванула от температуры.

– Серьезно?

– Серьезнее некуда. Да и одежда вся мокрая. Не хватало еще простуду подцепить.

– Там полянка небольшая солнечная с папоротником. Орляк соберем, а на его месте одежду разложим и просушим. Мужики, а у вас какая-нибудь емкость из-под воды сохранилась?

– Да. А тебе что надо? Есть термос со стаканчиком, есть

бак. Он на стене пристегнут.

– Отлично. Беру все. Вы пока собирайте папоротник, а я дождевую воду собираю, пока не впиталась в землю и не испарилась. – Я вернулся к вертолету, отстегнул бачок, взял из сложенных в кучу уцелевших вещей термос. Лопухи там росли такие здоровые, что стебли были не способны удерживать их на весу. Поэтому они устилали дорожку, где после дождя скопилось достаточно много воды. Аккуратненько, листок за листочком, осторожно сливая воду сперва в стаканчик, а затем уже в бачок, я пополнял наши питьевые запасы. Потом дошла очередь и до луж. Где стаканчиком, где используя те же листья лопуха, начерпал водички и оттуда. Худо, бедно, но литра два там уже плескалось. Хотел для придания вкуса и объема добавить мякоть винограда, но вспомнил, что орляк надо варить, а после него вода, скорее всего, уже не будет пригодна для питья. Надо экономить любую жидкость: неизвестно, когда пойдет следующий дождь. Я не хотел каркать, но обыскать всю тайгу и обнаружить сгоревший вертолет под кронами этих деревьев – несерьезно. Одна надежда на радиомаяк, но который мы не смогли найти. Может и прав Максим, предположивший, что часть вертолета унесло потоком горючего в эту расщелину. Ведь действительно, нет достаточно большой части корпуса вертолета. Не могло же ее взрывом забросить так далеко. Тем более мы вокруг достаточно хорошо все обыскали. Да и не один раз. Хорошо хоть неприкосновенный запас продовольствия раз-

метало, но баночки удалось собрать. Спать легли под крышей останков вертолета. Утром проснулись бодрые, жизнерадостные, но голодные.

– Неплохо бы горяченького.— помечтал Макс.

– Все спички в месиво. — Как бы подытожил Андрей.

– Максим, ты аккумулятор смотрел? Что там?

– Глухо, как в танке. Банки пробиты. Да, что толку — рации-то нет.

Я поднялся и пошел к вертолету. Поискав, нашел то, что искал — длинный кусок проволоки. Подошел к откинутому взрывом аккумулятору. Поднатужился и поставил его более удобно для меня. Прижал один конец проволоки к одной из клемм, а вторым концом начал замыкать на остальные батареи. Как я и надеялся, некоторые банки остались целыми.

– Мужики,— закричал я,— есть огонь. Давай сушняк.

– Да где ж тебе его взять после такого ливня.

– А подушка у тебя ватная или поролоновая?

– Ватная. Поролон вреден для здоровья.

– Ну, а что ты тогда вопросы задаешь. Тащи. Андрэ, там пара ящичков из-под разбитых бутылей. Тащи их до кучи.

Так при помощи разбитого аккумулятора мы высекли искру, развели огонь, подогрели еду и сварили молодой папоротник орляк. Одно из сломанных деревьев немного разгорелось и осталось тлеть, сохраняя для нас угольки. Куском дюралаи мы прикрыли дерево, чтобы нечаянная тучка не лишила нас огня.

– Как я понимаю, сейчас самое главное – подумать, как будем подавать сигналы бедствия.

– А что здесь думать. У нас в этих условиях только одно средство – дым. Благо поляна есть.

Наломали сухих веток, навалили на них подсохшие уже листья, а сверху – шалашиком установили бревнышки.

– Одно не продумали – как огонь понесем от бревна.

– В принципе можно на листе дюрала, а можно на трех-четырех листах лопуха.

– Тогда нет вопросов.

– У меня вопрос. Даже скорее утверждение – кушать хочется. У нас парашюты где?

– А ты, что, парашют хочешь сделать и с него охотиться на мамонтов?

– Нет. Проще. Намного проще.

– И все же?

– Силки. Здесь же тайга. Белки, куницы, олени. Хоть кто-то должен рядом жить. Попытка не пытка, как любил говорить товарищ Берия. А вы попробуйте поискать воду, так как, судя по погоде, дождь не ожидается.

– Слушай, откуда ты такой умный и чего раскомандовался. Вон Петрович, хоть и капитан, но из майоров. Не надо меня учить.

– Макс, успокойся.– Вступился за меня Андрей.– Ну, разве он не дело говорит. Дело. Просто мы с тобой летуны, а он земной человек, поэтому на земле быстрее соображает. К

тому же я майор разжалованный, а он – подполковник.

– Кто? Не верю.

– Твое дело. А только он с Дальнего Востока майором уехал, а потом подполковника получил. Так что у него по – любому право командовать есть.

Макс покраснел и с чувством вины посмотрел на меня.

– Петрович, во-первых, я уже в запасе.

– Но ведь не в отставке же.

– Нет.

– Ну, вот. Значит, почти действующий. К тому же на Дальнем Востоке десять лет прослужил.

– И это было.

– Товарищ подполковник, – обратился ко мне Максим. – Простите, пожалуйста, погорячился. Тревожно все – таки – вдруг не найдут.

– А это и понятно. Если сказать фифти-фифти, уже преувеличить наши шансы.

– Вот.

– Ладно, проехали. Тогда по плану: я – ставить силки, вы – искать воду. Попробуйте вон с той трещины в скале, вокруг которой полно птичьего помета. Если нет, то надо покопать в той траве – уж больно буйно она растет. Может, там вода неглубоко. – Я достал из кучи, как со скатерти самобранки, уложенный парашют. Отрезав от него несколько строп, сам парашют я обмотал в несколько слоев вокруг наклонно растущего дерева, опустив нижний конец полотнища в под-

ставленное самодельное корыто. В случае начала дождя вода будет скатываться по ткани в емкость. Прежде чем войти в лес, сориентировался по солнцу – оно светило в левое ухо. Бродил недолго. Тайга – это не пригородный лес. Здесь своя жизнь. К сожалению, у меня не было охотничьих навыков. Да и саму охоту я не люблю, так как считаю ее нечестной по отношению к животным. Но здесь другое дело. Здесь животное – пища. Здесь ты такая же добыча для другого хищника. Тем не менее, я умудрился рассмотреть несколько проторенных животными тропок. Хотел найти на земле следы, чтобы определить их размер, но трава скрывала от новичка всю информацию о них, кроме того, что они здесь есть. А, значит, их можно съесть. Я завязал на конце стропы два узла и в образовавшуюся петлю протянул второй конец. Получил скользящую петлю, размер которой можно регулировать. Пришлось сломать пару веток и воткнуть их в землю, а на них уже укрепить эту удавку. Свободный конец привязал к ближайшему дереву. Когда начал устанавливать вторые силки, сообразил, что от палок пахнет человеком, поэтому использовал лопухи в качестве перчаток. Сколько было веревки – использовал всю. В этой ситуации важную роль играет и количество силков. С чувством выполненного долга пошел домой. Темнело. Андрей с Максимом тоже поработали на славу. Из трещины в скале сочилась вода. Пусть еле-еле, но сочилась. В неглубокой яме – грязная жижа. Тоже можно подумать, как отжать, отнять у нее драгоценную для

нас влагу.

— Умнички.— Сказал я им.— Вы сделали самое главное — добыли воду. Когда человек рождается, в нем примерно девяносто пять процентов воды. Плюс-минус. К старости мы усыхаем, но все равно в нас восемьдесят — восемьдесят пять процентов воды. Даже, если есть еда, но нет воды — хана. Для переработки еды нужна вода. Если есть сухую пищу, но не пить, то все равно кранты. Хотя бы чуть-чуть еды и вдоволь воды — спасемся.

Вскрыли одну банку на троих. Мало, но лучше перестраховаться. Когда спишь, есть не хочется, но она, почему-то, снится, а утром хочется вдвойне. Попив водички, я пошел проверять силки. Первые силки были пустые. Кто-то в них попался, но перегрыз веревку и убежал. Пара штук оказалась не тронутые. А в четвертых билась дичь. Зверек, похожий на куницу, метался и пытался выбраться, не понимая, что этим еще сильнее затягивает собственную удавку. Я хотел придавить ее палкой и придушить, но зверек был очень шустрый и даже пытался меня атаковать. А зубки у него побольше крысиных. Тогда я резко дернул за веревку. Она еще сильнее затянулась на шее, и я успел придавить палкой голову зверька к земле. Короче, я его убил, хотя это было и противно, гадко, но необходимо. Когда факт убийства состоялся, с тушкой мне обращаться было уже спокойнее. Моя совесть на время замолчала. В следующих силках я обнаружил обглоданный трупик, даже не знаю кого. В последней петле

был полуживой соболю. Красавец. Шкурка переливается. Но кушать очень хотелось, поэтому я убил и его. Домой я пришел победителем.

– Алеш, – обратился ко мне Андрей, – Макс видимо подстыл: голова горит, ходит, как чумной.

– Максим, – теперь уже я обратился к Максиму, – температуришь или еще нет?

– По-моему уже: голова горит, пить хочется.

– Пить – это хорошо. Пить надо как можно больше, чтобы токсины выводить из организма. Но и организму помочь нужно. Сейчас кипяток сделаем и заварим травки. Андрюш, сделай кипяток, а я травку малеха пошукаю.

Я начал судорожно вспоминать, что же такое можно нарвать в лесу, как жаропонижающее. Мед – это хорошо. Но я не Винни-Пух и не знаю, где здесь растет мед, то есть на каком дереве. Малина – тоже хорошо. Но и ее тоже надо найти. То есть вывод один: иди и смотри. Так я и сделал. Вокруг, конечно, бушевала тайга, как-никак, а уже август наступил. Цветы, ягоды – ешь, не хочу. Вот, например: заросли болиголова. Огромные двух-трех метровые стебли создали целую рощу, которую я был вынужден обойти. Хотя болиголов чаще растет по оврагам и балкам, но здесь ему оказалось привольно и комфортно. Серые шаровидные слегка сжатые с боков плоды просились в мой голодный желудок, но... Сдаваться я не намерен. Невдалеке зонтики соцветий вежа ядовитого. Скорее всего, рядышком или подводная ре-

ка, или еще что-то, так как вех растет по сырым лугам да по берегам рек. Привлекли внимание на полянке красно-оранжевые плоды ландыша. Но чем опасны его глюкозиды я тоже знаю. Вот так всегда: что нужно сейчас – нет, а когда не надо – пожалуйста. Хорошо хоть нашел полынь. После неудачного приземления мое тело было покрыто множеством синяков и маленьких ран. А если растереть листья подорожника, черного паслена или мать-и-мачехи, можно и разжевать, листья полыни, пижмы, молодые листья лопуха и эту массу приложить к ушибам, ранкам, нарывам, то боль стихнет, да и нарыв может рассосаться. Главное – все сделать вовремя и на опережение. Увидел полянку с ромашками. Надо будет вернуться и проверить, какая это: аптечная или косметическая. О, отлично. Кустики почти отцветшего зверобоя, а в не遠деке – заросли крапивы. Нарвал еще и зверобоя и отнес все это на стоянку.

– Максим, как закипит, завари зверобой. А я сейчас еще за крапивой схожу и ромашку посмотрю.

– А крапива-то зачем?

– Как зачем? Ты разве салат или щи из молодой крапивы не ел?

– Не-а.

– Жаль. Очень вкусно. Но главное в ней – это обилие в ней витамина С. Конечно, хорошо бы тебе дать ударную дозу витамина С, грамма полтора-два. Но где же столько возьмешь. Хоть бы, сколько у тебя усвоилось. Вот ведь штука интерес-

ная: в нас усваивается лишь десятая часть того, что мы съедаем. То есть съели сто граммов морковки, а усвоилось всего десять, а остальное ушло на удобрения опять в почву. Так что готовься к тому, что здесь нет аптеки, нет антибиотиков, поэтому будем брать количеством.

– Да ничего мне не надо. Так выкарабкаюсь. Не в первой.

– Да, не в первой. Ты дома день-два посопливал и вызвал врача. Он тебе сразу антибиотик, и ты через недельку уже здоров. Но ты не забывай, что ты не дома, и мы не на пикнике. Врач к тебе не придет, если только медведь или тигр тебе не помогут. Возиться с больными и дома не фонтан. Ты сейчас можешь обидеться, но потом поймешь, что в такой ситуации нужны здоровые, хотя, как правило, приходится иметь дело с больными да ранеными. Без обид, но выкинь мысли, что немного поболею, посочкую. Не тот случай. Еще пару дней посидим, и придется идти, а с температурой ты не ходок. Понимаешь?

– Да понял я, понял.

– Ну и чудесно. Тогда я пошел, сделаю еще рейс, пока вода не закипела.

Пришел на ромашковое поле. Листочки растений тоненькие, как ниточки, узкими дольками. Разрезал желтенькую подушечку – внутри полая. Все признаки аптечной ромашки. Она хороша еще и тем, что кроме заваривания от простуды, ее можно бросить в костер и дым, образующийся от горения цветков ромашки, отгоняет насекомых. Снял рубаш-

ку, обмотал руку и нарвал еще и крапивы. На сегодня хватит. Максим молодой крепкий парень. Его здоровье плюс фито чай и все будет хорошо. По крайней мере, мне этого очень хотелось. Еще не доходя до костра, почувствовал изумительный аромат жареного мяса. Андрей сам сделал и поставил силки. Теперь угощает. Конечно, очень приятно научиться чему-либо и увидеть результат. В этом результате как раз самая изюминка и есть. Хотя в нашем случае – мясо, но и это тоже хорошо.

– Алексей, у тебя нюх военный. Подходи, мясо как раз подоспело. Летчики тоже кое-что умеют.

– А кто сомневался. Максим, а у тебя как дела?

– Нормалек. Еще денек и буду как огурчик.

– Даст Бог, будешь на большой земле долечиваться.

– Да пора бы уж. Что-то наши местные кореша – летуны не чухаются.

– А, может, у них тоже горючки нет.

– Ха-ха-ха. А что, может, и так. Потом извинятся и скажут, что только подвезли и сразу за вами.

– Самое главное – это то, что нас ищут.

– Во-во. Кто ищет, тот всегда найдет. Если не спасатели, то археологи. Но чуть-чуть попозже.

– Это понятно. Археологи сначала лопатой работают, а как почувствуют находку – совочком и кисточкой. А знаешь, сколько времени нужно, чтобы кисточкой вертолет откопать? Вот то-то.

– Господа офицеры, что-то у вас юмор уж больно черный.

– Не черный, а военный. А эту мудрость еще Ходжа Насреддин подытожил: на Аллаха надейся, а ишака привязывай.

– А мы и привязываем: вон Петрович сегодня два силка поставил и оба сработали.

– В таких случаях бывалые говорят: новичкам везет. Они же не могут просто признать, что молодой оказался проворнее.

– Хе-хе.

– А что, Андре, я разве не прав?

– Конечно. Алексей, а когда ты был не прав? Нет, нет, я в хорошем смысле. Я сейчас за тобой, как ведомый за ведущим бортом иду.

– А вместе мы – ко-ман-да!

– Не команда, а экипаж. Ладно, вы тут посидите, а я отойду в кустики – освобожу место под чай.

– Тебе помочь?

– Сам справлюсь. Юмористы – подкальывальщики.

Вскоре Андрей вернулся. В руках у него был большой лист.

– Мужики, а что это за дерево? Судя по листу – каштан. Но они же на юге растут.

– Да, судя по листу – конский каштан. А где ты его сорвал?

– Да вон там. Их там целая куча.

– Пойдем, посмотрим.

Все поднялись и пошли за Андреем.

– Во. Пожалуйте.

– Действительно. Хотя в Саратовской и Воронежской губерниях они растут хорошо, а там морозы и под тридцать бывают.

– Бывают. Но вы обратите внимание, как они посажены.

– В смысле? Ё-мое, ну, ты, Максим, и молодец. Как это я сразу не разглядел, что они растут ровно по линии.

– Да, это явно не самосад.

– А кто же их мог здесь посадить посреди глухой тайги?

– Судя по толщине деревьев, им лет тридцать.

– По крайней мере, не меньше двадцати.

– Интересно, а их нашли?

– Нет. Это над их могилками посадили.

– Очень смешно.

– А Алексей улыбнулся.

– Когда я в армии четверть века отслужу, тоже улыбаться буду.

– О, у тебя еще чувство юмора сохранилось. Значит, еще не все потеряно.

– А что у них листья какие-то черные. У нашего дома каштан рос, так у него много светлее листья были.

– Да и липкий лист какой-то.

– Может, тля. Дай посмотрю. Действительно. По-моему – это сок. Обождите, что-то я вспоминаю, что некоторые растения перед дождем “плачут”. Я не помню, относится к ним

каштан или нет, но лучше перестраховаться.

– Да какой дождь, Алексей. На небе ни облачка.

– Согласен. Обычно у меня перед сменой погоды голова болит. А сейчас нет. Но, все равно, не нравится мне этот лист.

– Не нравится – не ешь.

– Очень смешно.

– Еще один.

И все засмеялись. По дороге к костру я наклонился и сорвал растение.

– Мужики, вот отцветший клевер. Видите?

– Ну и ...

– А то, что клевер перед дождем наклоняет свою головку и как бы прячет ее в верхние листья. Глядите.

– Ни че не вижу.

– Никогда не обращал внимания.

– Зато я прекрасно это знаю.

– Алексей, ты такой умный, аж противно. Тебя уже убивать пора.

– Не противно, а завидно. Верно?

– И завидно. Но еще больше – противно.

– Хочешь, секрет открою?

– Ну?

– Я перед вылетом умную книжку прочитал. Называется она: “Туристу о растениях“. Я по дороге хотел в Шмаковку к дружку заехать на пару суток, по тайге полазить. Интересно

же.

– Ну и как? Заехал?

– Заехал. Только дружек уже отошел в мир иной. И там ждет меня.

– Ничего. Потерпит. У него теперь времени этого зава-
лись. Как и у нас, впрочем.

– На счет нас не согласен. Подготавлиюсь я лучше к дождю.

– Ну, давай, давай.

– Лучше ты через сутки надо мною посмеешься, чем со-
жалеть о потерянном огне. Максим, укрой аккумулятор, по-
жалуйста.

Под навесом из остатков корпуса вертолета я вырыл кус-
ком пропеллера продолговатую яму. Уложил дно и бока кам-
нями. Андрей подкинул мне пару больших камней.

– Алексей, гляди – вот камень и вот камень. Какая разли-
ца? Можешь не отвечать, так как вопрос риторический. Этот
плотный, монолит. А этот явно пористый. Пористый камень
при нагреве может рвануть, как граната. Поэтому перед об-
кладыванием их надо проверять – постучать один об дру-
гой. Если в камне есть полость, особенно наполненная жид-
костью, то жидкость при нагреве будет расширяться быстрее,
чем толщина камня, то есть будет взрыв. Может и не убьет, но
хлопот прибавит.

– А я как-то не подумал об этом.

– Не ты первый. Просто ты в походы не ходил. На природу
и в поход – разные вещи.

– Теперь я понял.

– Да. Век живи, век учись.

– И дураком помрешь.

– А ты что хочешь? Абсолютное знание только у Бога.

Потом я на камни набросал старых углей из действующего костра и всякой деревянной мелочи. Взял прутьи потолще и заточил их концы множеством заусенцев. По обеим сторонам костра положил вязанки дров, стянутые по краям. Сверху, крест-накрест, другие, чуть покороче. Получилась своеобразная пирамидка. При горении угли будут сваливаться в канавку, а пирамида будет становиться меньше и при этом не разваливаться. А длинную яму я сделал для того, чтобы троим сразу, можно было греться, если в дождь похолодает. После этого я максимально забил площадь сухими дровами.

– Алексей, а сидеть-то где мы будем? – поинтересовался Андрей.

– Андрэ, ты Эзопа читал?

– В школе.

– Понял. Кто не читал – рассказываю, кто забыл – напоминаю. Как-то Эзопу потребовалось добраться из одного города в другой. А между ними, то ли пустыня была, то ли разбойники. Неважно. Решил он “на хвост упасть” одному попутному каравану. Попросился. А ему говорят: “Возьмем, но только носильщиком. Выбирай сам себе груз, который понесешь до этого города”. Осмотрелся Эзоп и взял тяжелую корзину с хлебом. Все носильщики засмеялись: рядом были

и более легкие вещи, хотя и достаточно тяжелые. Тронулись в путь. К вечеру остановились на ночлег. Поели. Часть хлеба забрали из корзины Эзопа. На следующий день опять отдыхали и ели. Ели хлеб из корзины Эзопа. Вскоре выбросил Эзоп пустую корзину и пошел налегке. А у других носильщиков с каждым километром ноши становились все тяжелее и тяжелее.

– Это точно. Помню в училище, как нас на кросс гоняли. Первый километр автомат легкий, а на пятом – ремень так плечо оттянет, что потом еще неделю болит.

– Это от непривычки. Вы же летчики. А нас гоняли и с автоматом, и со скаткой из шинели, и с лопаткой. Иногда даже в противогазе. Короче, еще вопросы о дровах есть?

– Нет.

– Тогда отдыхай.

– Не-а. Ты посмотри на небо. Видишь облака на небе перистые.

– Учу. Значит, до дождя пара часов.

– По крайней мере, до смены погоды. Ты был прав. Как обычно, впрочем.

– Ну, такая уж я какашка.

– Нет, ты хорошая какашка.

– Какашка хорошая пока на нее не наступили, не потревожили. А еще лучше – в землю закопанная.

– Нет, туда нам еще рано. А вот тревожить тебя я не рекомендовал бы.

– Я отходчивый.

Погода не дала нам даже двух часов. Вскоре небо потемнело, и пошел тропический ливень, который вскоре перешел в нудный обложной мелко морозящий дождичек. Под навесом, обдуваемым теплым воздухом костра, мы задремали.

– Э-э, мужики! Мотор! Вы слышите? Вертолет. Это спасатели. Костер! Разжигай костер!

Мы все выскочили под дождь. Где-то в стороне, еле видно среди туч, мелькал родной Ми-8. Андрей схватил консервную банку, руками набросал туда несколько горящих угольков и, прикрывая собственным телом эту драгоценность, побежал к нашему аварийному костру. Собственно, я уже понял, что будет. Ливень плюс обложной дождь сделали свое черное дело.

– Операция “Спаси подполковника запаса” провалилась в самом начале. – Грустно сказал я Максиму и полез под навес.

Вскоре вернулся под навес и Андрей.

– Жаль, что я матом не ругаюсь, а то бы ругнулся. – Тоже грустно сказал Максим.

– Видно ты в душе горожанин.

– А что в городе матом не ругаются?

– Ругаются. Но дело в том, вернее, основа этого в этом, что в деревне матом не ругаются. В деревне матом разговаривают. А так как отток из деревни в город большой, деревня, благодаря бездарному не профессиональному и, что еще

страшнее, продажному Правительству, вымирает, то это.... Нет, не буду озвучивать то, что я подумал. Хотя, как посмотришь на это пьяное матерящееся существо, то иного слова и не скажешь. Эта масса, поселившись в городе, в большом доме думает, что они уже стали горожанами. Но этого же мало. Он продолжает существовать тем же, что и было. Его дети в школе ведут себя, как родители. Хотя им и учителя, и друзья подсказывают, как надо себя вести. Но влияние, постоянный пример поведения родителей – это могучая вещь в воспитании. Это матрица поведения ребенка. И только в третьем, четвертом поколениях деревенщина становится городским жителем с потомственной, а не вынужденной, претензией на культуру, интеллигентность, интеллект. Хотя и не обязательно. Некоторые и не становятся.

– А как он им станет, если все работяги матерятся.

– Согласен, но не совсем. Есть и врачи матерящиеся. А мой отец и дядька хоть и сами приехали из села, но оба не матерились. У них в доме это не было принято. Да и по культуре не уступали инженерам.

– Ты же сам сказал, что родители дают матрицу поведения детям. Вот и ты до подполковника дорос, а никогда ни одного солдата или прапора не оскорбил.

– Нет. Пару раз на солдат кричал. А один раз даже матом.

– Ну и как?

– Представляешь, он мне говорит: “Товарищ капитан, вам не идет матом ругаться. Давайте я так больше не буду, а вы

больше не ругайтесь матом“. Видал. Ультиматум целый.

– А ты?

– А что я. Согласился. Мне и самому это не понравилось.

– Это.... Как по латыни будет?

– А? А... Утиле дусце мистера – сочетай приятное с полезным. Запомнил?

– Учись, Максим. Иногда и солдат хорошему может научить.

– А меня, кстати, солдаты и драться научили. У нас было отделение охраны КГБ. А там двое хлопчиков – каратистов служили. Так они меня и дрессировали.

– То есть?

– В Китае говорят, что для того, чтобы запомнить, как правильно, технично бить, надо это движение повторить тысячу раз.

– А, понял. Ну и...

– Ни че. Нормально. Я им благодарен.

– Во, Максим, вот она житейская военная мудрость.

– А все равно дураками помер.

– Верно!

Хоть и грустно было, что спасатели недобросовестно отработали наш квадрат и нас не нашли, но, что поделаешь – судьба. Не все человеку ведомо, что и зачем происходит с ним на земле. Часа через два закончился дождь. Вокруг все развезло. С деревьев слетали крупные капли, умудряясь при этом попасть за воротник. Холодно. Сыро. Тоскливо.

– Хорошо хоть бортовой журнал не замочило.

– Не понял? А что, летчики тоже ведут бортовой, как моряки?

– Нет, конечно. У нас для этого черный ящик есть. У меня отец был капитаном океанского лайнера. Так я, глядя на него, типа журнала записи веду.

– У сухопутных крыс это называется дневник.

– А, в принципе, какая разница.

– В принципе? Нет. Тогда возьми полиэтиленовый пакет. Он целый, без дырок.

– Спасибо.

После улета вертолета на душе было подстать погоде: мурно и паршиво. Я решил прогуляться, хотя, изредка падающие с деревьев капли, оптимизма не добавляли. Но, чтобы облегчить душу, человеку иногда нужна капелька мазохизма. Если сам себя не пожалеешь, кто же еще пожалеет. Живя вынуждено в автономных условиях, просто прогуливаться нельзя. Прогулка должна совмещаться с разведкой местности или, как говорят военные, рекогносцировкой. Я прислушивался, приглядывался, иногда срывал растения, судорожно вспоминая, где и как их можно использовать. Я гулял достаточно долго и отошел от лагеря на пару километров. Склонившись над незнакомым растением, я почувствовал рядом с собой присутствие кого-то живого. Первой мыслью было, что рядом тигр или медведь. Я осторожно огляделся. Не более чем в десяти метрах от меня были заросли

дикой малины и около них спиной ко мне стоял мальчишка лет десяти – двенадцати. Когда он подошел, я, естественно, не слышал и не видел, но сейчас, увлеченный поеданием малины, он не видел меня. Я медленно встал.

– Эй, пацан.– Негромко окликнул я его.

Странно, но он даже не вздрогнул, и не было признаков, что он испугался или хотя бы удивился моему присутствию.

– Здравствуй, дяденька.

– Скажи, а ты здесь живешь? Ваша деревня далеко?

– Да верст двадцать будет.

– В смысле километров?

– Не-е. По-вашему километров двадцать пять с гаком.

Верста-то чутко длиннее километра.

– А ты с кем здесь? Сумерки уже.

– Один. Я уже давно один хожу.

– И тебя родители отпускают?

– А что такого. Я уже прошел посвящение и стал полноправным воином, как и все мужчины.

– Совсем, совсем?

– Ну... хоть я еще и инок, но, как воин – да.

– Инок? А здесь монастырь что ли?

– Нет. У нас вся деревня такая.

– Обожди. Вся деревня? Вы что – староверы?

– Можете называть и так. А вообще-то мы относимся к ордену “Лесных братьев“.

– Поясни, пожалуйста.

– Когда в десятом веке решили крестить Русь, не все этого захотели. Очень многих убили, сожгли на кострах. Кто-то испугался и крестился, кто-то нет. Мои предки ушли в эти края, сохранив свою веру.

– Даже так?

– Да.

– И вы вообще не контактируете с внешним миром?

– Почему же. Мы не дикари. Еще Энгельс писал, что, если бы племена не общались между собой, то и не было бы цивилизации и все племена до сих пор жили бы в каменном веке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.